

МЫ НАШЛИ ТЕБЯ, ДЕД!

В поисках деда Федота, узника Вятлага

Лариса Ржевская

*Памяти моего отца
Алябьева Ивана Федотовича
посвящается.*

Алябьев Иван Федотович

Алябьев Иван Федотович

История эта началась в далёком, страшном 1943-м году. Началась, чтобы исчезнуть на 76 лет. Такие были времена, что из жизни семей, деревень, городов, стран вычёркивали людей и память о них...

Алябьев Федот Фёдорович. 15 марта 1896 года он родился в деревне Алябьево Ленинского (позднее Октябрьского) района Курской области. Имел образование 2 класса. Был отличным плотником, бондарем, сапожником. Справный был хозяин, трудолюбивый. Лет в 30 женился. В жёны выбрал ладную и работящую Анастасию. Всё честь по чести: засватал, женился. Обвенчались в храме Покрова Божьей Матери, что в селе был. Во время коллективизации храм большевиками добросовестно разграблен и сожжён.

В 1929-м году у молодожёнов родился первый ребенок – доченька Татьяна, второй, старший сын Николай, – в 1932-м году, третий, Иван (мой отец) – в 1936-м году, четвёртый, Василий, – в 1940-м году. Бабушка Настя тоже замуж вышла не молоденькой. Она 1897 года рождения. Хотя по документам значится 1904 год.

Алябьева Анастасия Сергеевна. Простая русская женщина, бесхитростная, но умудрённая жизнью и пахотой. Работа в поле и по хозяйству так подорвали её женское здоровье, что с молодых еще лет и до конца дней своих земных она носила поддерживающее резиновое кольцо от выпадения матки. Детей своих всех в одной рубашечке самотканой крестила. От того выросли они дружные, как пальцы в кулаке. Всегда друг за друга и в огонь, и в воду!

Жили, трудились, крепкое хозяйство имели. Семью хозяин с хозяйкой в вере держали. Иконы в красном углу, обрамлённые самотканым льняным рушником, украшали горницу и охраняли от бед и невзгод.

Федот мужиком был вдумчивым, трудолюбивым, мастеровым, немногословным и серьёзным. А ещё – добрым и безотказным. Это и подвело его в годы коллективизации. Председатель колхоза – родной брат **Борис Фёдорович Алябьев** – назначил Федота заведующим магазином, в который большевики свозили всё «раскулаченное» добро. Ставил заведующий всё на приход в магазин и вёл этот список. А село-то одно. Всяк всякого хорошо знает. Один придёт: «Федот! Скоро Пасха, а у моей жены даже юбчонки

простой нет – на праздник в наш храм сходить. Пожалей, Федот! Дай какую-нибудь юбочночку!» Подумает завмаг, пожалеет – да и отдаст что-нибудь из конфискованного добра. Шесть лет пробыл Федот заведующим того магазина. Как и следовало ожидать, его за его доброту да за недостатку уволили и наказали выплатить недостающую сумму. Ох, и победовала ж тогда Настасья! Всё, что выросло в огороде, да и животинку какую-то пришлось продать, чтобы недостатку покрыть. Просила Федота: «Не будь ты таким щедрым. Видишь, как расхлёбывать приходится?» Да невозможно было уже мужа переделывать. Надо заметить, что и дети у них такие выросли. Душонки-распашонки!

Николай и Тамара Алябьевы

Немного о родном брате Федота. Как уже было сказано, Борис был председателем колхоза. В годы коллективизации он с бригадой помощников раскулачивал зажиточные дворы во всей округе. В деревне Перькова под «раздачу» попала семья девочки Тамары. Спустя много лет эта Тамара вышла замуж за Николая Федотовича Алябьева, моего дядю. Получается, что дядька Николая Борис раскулачил семью его жены. Такие вот исторические переплетения...

29 августа 1941 года Алябьев Борис Фёдорович был призван в армию Ленинским райвоенкоматом Курской области. В ЦАМО я нашла информацию, что 14 августа 1943 года он погиб в бою на станции Поляна Поворинского района Воронежской области. В том же архиве хранится письмо его сослуживцев, которые подтвердили гибель Бориса в этом бою, но

меня к этому письму сайт не пустил. Жена его Дарья Степановна воспитала дочку

Нину уже без отца. Каким-то образом оказалась в Ленинграде после войны, да там и отвековала свой век.

Одно время, как после коллективизации обостились^[1] немного, Федот начал позволять себе иногда где-нибудь с друзьями чарку-другую пропустить деревенского мутного самогончика. Так Анастасия сроду не ходила его домой звать. Не хотела сама позориться да мужа позорить. А вот самая любимая, единственная его доченька Танечка быстро поняла, как отец к ней привязан, и начала за ним бегать по дворам. Отец, сидящий с компанией друзей, только увидит издали свою отраду, сразу поспрашивает да к ней навстречу выйдет: «Пойдём домой, моя куколка!»

А потом война... Деда сразу на фронт не взяли, ему 45 на начало войны было. Когда в Курск немец вошёл, деда и друга его Антоху (**Алябьева Антона Андреевича**) забрали в ополчение. Погрузили в вагоны. Поезд их недалеко от Курска разбомбили. Дед с Антохой пешком домой назад в деревню добрались, а там уж немец. Фашисты уже посогнали со дворов деревенских жителей скот, чтобы отправлять его в Германию на убой. Кто-то из местных указал на деда и Антоху, что они-де плотники хорошие. Заставили немцы сбивать из досок придворок для скота. Дед с другом быстро да ловко всё сладили. Тут-то немцы и смекнули (видать, увидели, что ловкий Федот, да и народ его почитает), что надо его старостой ставить. А может, и шепнул кто про Федота, зная, что он мужик добрый и

справедливый. Поди теперь узнай!

Алябьева Дарья (жена Бориса), внук Витя, дочь Нина, Алябьев Иван, неизвестная девушка, муж Нины - Иван Севастьянов

У немчуры разговор короткий – вывели бабушку да ребятишек наставили на них автоматы

Дед давай отказываться: «Не буду! Не смогу!» У немчуры разговор короткий – вывели бабушку да ребятишек: 12-ти лет Танечку, 9-ти лет Коленьку, 5-ти лет Ванечку и годовалого Васеньку – и наставили на них автоматы. Аргумент безотказный!

Я с ужасом представляю, что творилось в тот момент в душе у деда! Выбор? О каком выборе могла идти речь?!

Вот так и стал Федот старостой, а Антоху ему в помощники приставили.

Володя и Лена - дети Николая Алябьева

Как могли, дед с Антохой навели политес с немцами, чтобы и овцы были целы, и волки сыты. Скажут вражины с такого-то двора корову зарезать, а дед соберёт народ на совет, да и выберут, у кого можно там овечку или свинью зарезать, чтобы в том дворе детей без молока не оставить, семью не оголаживать. Одно то, что за всё время оккупации из деревни Алябьево ни одного человека в Германию не угнали, о многом говорит.

Алябьева Тамара с сыном Владимиром - в будущем зав. кафедрой в политехническом университете Курска

Кроме того, после входа немецких солдат в деревню по близлежащим лесам ещё долго скрывались раненные красноармейцы. Федот распределял их по дворам, где получше с едой. Бойцов выхаживали и, подкормив, помогали уйти за линию фронта, чтобы догнать свои воинские части. У себя Федот прятал раненого комиссара (увы, фамилию его никто так и не вспомнил). Он был тяжело ранен. Долго в семье Федота его вначале возвращали к жизни, а потом ставили на ноги, чтобы мог комиссар добраться до подполья в районном центре Прямицыно.

8 февраля 1943 года Курск освободили от немецко-фашистских захватчиков. Вскоре пришли наши войска и в село Алябьево. Народ криком кричал, когда деда и Антоху забирали, – пытались заступиться за них.

Бабушку тоже вначале хотели забрать, а детей – в детский дом.

Алябьевы Иван и Елена

от тёти Тани. А в этот день дядя Коля вначале приехал (в 87 лет – сам за рулём!) в дом к своей сестре Татьяне. С ней живёт её сын Иван (мой двоюродный брат) и его жена Лена. Иван знал, что мы едем на кладбище и везём кировскую землю всем нашим ушедшим. Радость не вмещалась в его огромном добром сердце, и он поделился ею с дядей Колей, который к тому же является его крёстным отцом.

Сын Федота Николай со слезами на глазах и улыбкой сквозь эти слёзы вскочил в машину и рванул на кладбище. Мы в это время уже клали землю на могилу моего папы. Трудно передать словами, что происходило с нами во время этой встречи! Мы обнимались, плакали, смеялись! «Да как же ты нашла его, Лариса?! Как тебе это удалось?»

Я всё подробно рассказала. Объяснила, почему молчала раньше.

И вот тут открывается тайна спасения деда Федота в том далёком феврале 1943 года! Когда конвоиры доставили арестованного деда в Прямыцыно, там оказался спасённый когда-то дедом комиссар! Он сделал для Федота всё, что мог... Вот и разгадка

Я много думала о том, почему Федота не расстреляли сразу... Статья 58–1б... Враг народа, красноармеец-дезертир, оставивший службу, и пособник фашистов... Трибунал, расстрел, конфискация! А тут вдруг пересылка в ВятЛаг – и только там военным трибуналом ему дают 10 лет с ограничением в правах на 3 года.

Ответ на этот вопрос пришёл ко мне на кладбище в поле, обрамлённом берёзами, под посёлком Черёмушки Курского района, где лежат и бабушка Настя, и дядя Вася, и мой папа Иван. Когда мы с моим мужем Валерой привезли туда землю с места захоронения дедушки Федота, со станции Раздельная Верхнекамского района Кировской области, туда же приехал мой дядя Коля. Это было 18 августа – папин день рождения. С самого начала моих поисков и каких-то результатов я держала всех своих двоюродных в курсе. Сын дяди Коли Володя попросил меня ни о чём его отцу не говорить. Это и понятно – 87 лет, недавно перенесённый третий инфаркт... И я держала тайну под замком и от дяди Коли, и

Алябьев Иван Федотович

отмены расстрела.

76 лет молчания! 76 лет жуткой, страшной семейной тайны! 76 лет безвестного лежания в таёжной кировской земелюшке мужика по имени Федот. Мужика, который просто не дал убить свою жену и четверых детей и принял удар на себя.

Алябьев Иван в армии

Когда конвоиры доставили арестованного деда в Прямицыно, там оказался спасённый когда-то дедом комиссар

Семье деда спастись от ареста помогла наша родственница **Медведева Марина Ивановна**, двоюродная сестра бабушки Насти.

Эта замечательная, легендарная женщина родилась 10 ноября 1919 года в деревне Александрово Стрелецкого района Курской области. В 1937-м году поступила в Курский государственный институт. В 1941-м году, являясь студенткой пятого курса, была направлена в ряды Красной армии, где находилась 5 лет, по август 1946 года. Принимала участие в боевых действиях в составе Сталинградского, 2 и 3 Украинского фронтов, а также на территории Австрии, Венгрии, Румынии. Прошла путь от старшего ординатора, командира санроты и старшего врача 29 воздушно-десантного стрелкового полка до начальника госпиталя. Демобилизована в звании майора медицинской службы. Награждена орденами «Отечественной войны II степени», «Красной звезды» и медалями. Орден «Красной звезды» получен за спасение знамени полка.

Алябеевы Иван и Николай

После войны Марина Ивановна получила звание доктора медицинских наук, профессора, была заведующей кафедрой акушерства и гинекологии Курского государственного медицинского института с 1965 по 1970 год. В своё время очень многих женщин спасла от смерти она. С тяжелейшими случаями онкологии справлялась и выходила победительницей. В 1970-м году у неё самой было обнаружено онкологическое заболевание – рак груди. Спасти саму себя она не сумела. Зная, что смерть стоит на пороге её дома, завещала хоронить её под «Лакримозу» Моцарта, которая в СССР была знакома всем по кинофильму «Овод». Хоронил и оплакивал Марину Ивановну Медведеву весь Курск. Могила её находится прямо рядом со старинным Никитским храмом, на улице Карла Маркса. Ходила недавно я к этой могиле... Плакала... Благодарила...

За какие ниточки ей удалось подёргать тогда, в 1943-м, никто не знает. Вроде даже пришлось ей применить ложь во спасение, сказав, что Федот был деспотом и эксплуатировал свою жену. Это со слов самой бабушки. Господь милостив – семью оставили!

23 февраля 1943 года Алябьев Федот Фёдорович был арестован. 10 мая 1943 года прибыл в ВятЛаг НКВД как подследственный Курским этапом. Приговорён 10 сентября 1943 года военным трибуналом войск НКВД Кировской области 10.09.1943 г. по статье 58 пункт 1–б УК РСФСР к 10 годам лишения свободы и 3 годам поражения в правах. Начало срока – со дня ареста 23.02.1943 г., конец срока – 23.02.1953 г. Спустя пять месяцев, 29 октября 1943 года, он умер в больнице ОЛП–13 станции Раздельная Верхнекамского района Кировской области. Причина смерти – пеллагра. Авитаминоз, связанный с дефицитом белка и животной пищи. Было Федоту тогда 47 лет.

Бабушка Настя с внучками от сына Василия: Наташей, Светой, Леной

Был приговорён к 10 годам заключения с поражением в правах на 3 года и **Алябьев Антон Андреевич**. И только через 3 года, когда ему разрешили переписку, он сообщил письмом в деревню о смерти Федота. Бабушка Настя, получив эту скорбную весть от родственников Антона, обняла, плача, дочку Танечку и сказала: «Нет у тебя больше папки, доченька!»

Сам Антон Андреевич отсидел в ВятЛаге 10 лет и вернулся в родную деревню. Мои поиски его родственников не дали положительных результатов. Дети его уже давно умерли. Узнала только, что тогда, после войны, маленькие ребятки косились на деда Антоху и шептались промеж себя, что дед этот в тюрьме сидел.

А сколько пришлось перенести унижений и гонений бабушке и детям! Одному Богу известно

А сколько пришлось перенести унижений и гонений бабушке и детям! Одному Богу известно. Но своим невероятным трудолюбием, своей верой в милосердие Божье все они выжили, выросли, получили специальности. Папа мой – Алябьев Иван Федотович – начал в Курске разнорабочим на стройке, а уже к 35 годам и до конца жизни работал проректором Политехнического института. Он в советские времена, будучи хорошим инженером, был рекомендован для командировки в Иран, как молодой специалист, но (что совершенно понятно) на медкомиссии оказалось, что у него хронический тонзиллит. Поэтому в командировке было отказано. Мне после окончания педагогического института тоже не дали устроиться на работу в областное управление по делам несовершеннолетних. Говорят: «Дети за родителей не отвечают». Отвечают! Даже внуки за дедов!

Телятница, Алябьева Татьяна Федотовна

Алябьева Татьяна Федотовна. Старшенькая и единственная доченька Федота. Когда забрали отца, её мать Анастасию выгнали на рытвё окопов. Двое суток в зимнюю стужу, оставив дома четверых детей с сестрой мужа Мариной, рыла окопы Настасья, стиснув зубы и глотая слёзы. Не пинал и не оскорблял её только ленивый. Вечером третьих суток она приползла домой едва живая. Из-за непосильной работы у бедной женщины произошло выпадение матки. Пока мать отлёживалась, на рытвё окопов в свои 14 лет пошла Татьяна. Трудилась с остервенением, доказывая односельчанам, что она не «дочь врага народа», а бедная советская девчонка-работяга. Когда чуток подросла, пошла работать на колхозную ферму. Стала брать не одну, а две, а то и три группы телят. Когда её награждали на колхозном собрании орденом «Знак почёта», одна женщина выкрикнула: «Кого вы награждаете? Немецкую прислугу?»

Председатель колхоза металлическим голосом осадил досужую: «Научись ты так работать, как Татьяна, а потом поговорим!» До сих пор на каждый День Победы тётю Таню поздравляет лично Президент РФ. «Бывало, иду по улице, – вспоминает тётя Таня, – а мне вслед кричат ребяташки: “немецкая работница”. Обидно мне, а виду не подаю. Согнусь, как от удара под дых, да бегом домой».

Бабушка Настя с внуками: Ваней, Володей, Ларисой, Леной, Валерой

Сейчас, вспоминая всё это, тётя Таня сказала: «Не дал мне Бог матерью-героиней стать, так я трудом своим почёт заслужила». Тоже, видимо, так надрывалась работой, что только двоих своих мальчишек – Валеру да Ванечку – и смогла выносить и родить. А мечтала рожать, пока рожается. Большую семью хотела со своим Алёшей. И ребята её самостоятельными, работающими выросли, хорошими технарями стали. И любую сельскую работу до мозолей знают.

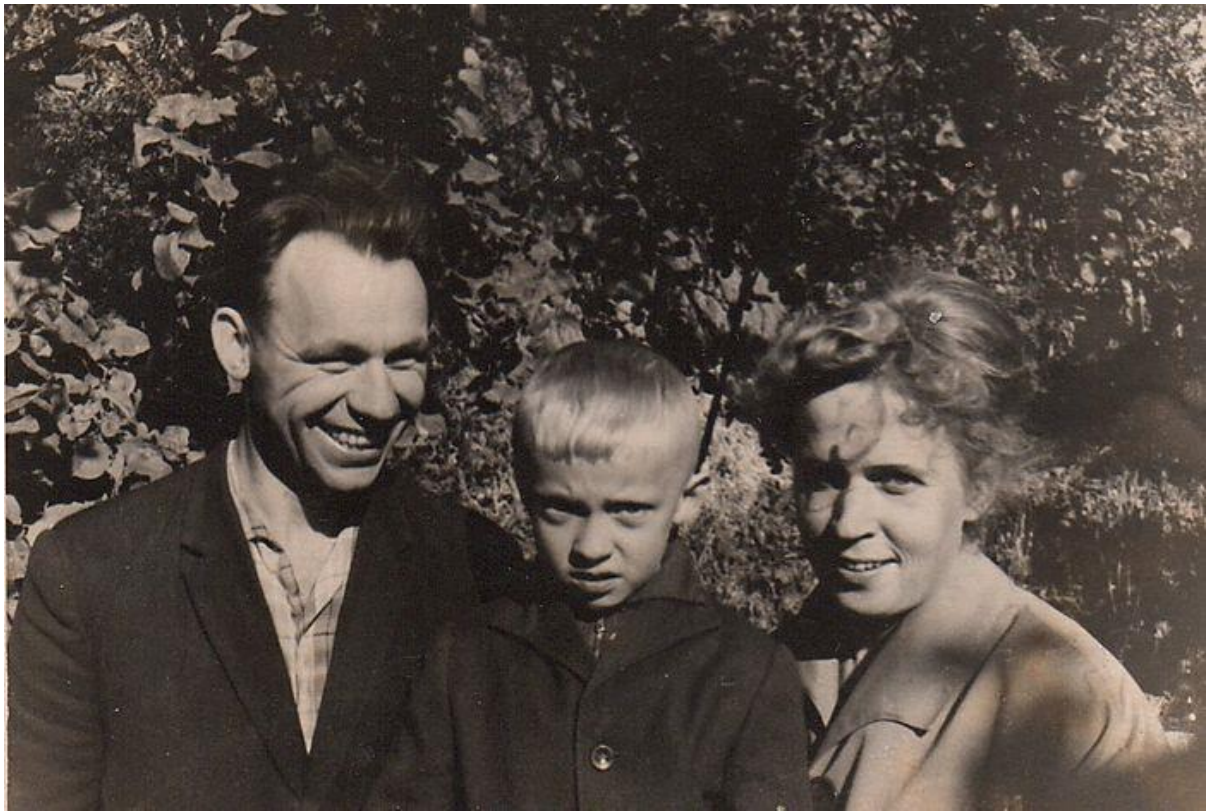
Дядя Вася. **Алябьев Василий Федотович**. Самый младший в семье и первым среди детей Федота и Анастасии ушедший из этой жизни (бабушка похоронила своего младшего сына в 1999-м году, а через год ушла сама). Когда Василий в молодости ухаживал за своей будущей женой Валентиной, её отец Кузьма не одну палку сломал, отваживая дочь от её кавалера. Не помогло! Поженились и пятерых деток народили – три дочери и два сына. Две старших их дочери, Лена и Наташа, когда выросли, стали строителями. Даже странно, как это просмотрел наш доблестный КГБ и допустил их обеих на строительство космодрома в Плесецке! Да и сам дядя Вася, после того как уехал с семьёй из родной деревни в посёлок Черёмушки Курского района, выучившись на курсах, всю жизнь проработал начальником газораспределительной станции посёлка. Эх, не было тогда у КГБ Интернета! А бумажками-то быстро ли, да и всегда ли проинформируешь?!

Анастасия и семья сына Василия

Дядя Коля. **Алябьев Николай Федотович**. Кто-то когда-то в военкомате ошибочно вместо четырёх классов школы указал семь. После службы в армии пошёл работать на завод военно-промышленного комплекса. Как допустили? Или это Господь за муки отца детям послабление давал? Всю жизнь там проработал. До начальника цеха дослужился. Имеет орден «Дружба народов» и другие награды.

Семья Николая Алябьева

Поиски места захоронения своего отца начал ещё в советские времена мой папа **Алябьев Иван Федотович**, но ему так «щёлкнули по носу», что он надолго эту мысль спрятал куда подальше. Он постоянно выпрашивал у всей родни, у односельчан про эту историю. Пытался добраться до архивов УВД СССР по Курской области. Главный врач госпиталя Курского гарнизона был хорошим его знакомым. Пробовал через него хоть что-то узнать про место, куда был сослан в лагерь его отец. Говорили, что все эти архивы засекречены, и доступа к ним нет. Тогда папа решился пойти напролом и написать запрос в УВД. После чего его вскоре пригласил к себе ректор Политехнического института, в котором он трудился, и спросил, не надоело ли, мол, вам здесь работать. «Не то что писать, думать об этом забудь! А то ведь начнут разматывать по новой, никто из вас на месте не останется!» Понятно так, доходчиво объяснил.

В те годы многим людям «помогли» по-советски правильно расставить знаки препинания во фразе «ПОМНИТЬ НЕЛЬЗЯ! ЗАБЫТЬ!» Безбожники думали, что память хранит закрытый наглухо архивный фонд, и достаточно запугать хранителей памяти, чтобы память умерла вместе с ними. Но Господь посмеялся над Своими противниками и показал, Кто истинный Хранитель памяти. Молитесь Богу, и Он откроет эти закрытые страницы! Это мой личный опыт и свидетельство милости Божией к нам.

Алябьевы: Анастасия, Татьяна, Иван (мой отец), Николай, Василий, Тамара, Мария (моя мама), Валентина и ребяшня: Ваня, Володя, Лариса, Лена, Валера

Мне эту историю папа рассказал лет в 17, когда я спросила про могилу дедушки Федота. Потом Перестройка. Какие уж там поиски?! А в 2008-м году папа мой скоропостижно скончался от третьего инфаркта.

И вот год назад я начала «вытаскивать» из уже местами заговаривающейся тётушки Тани хоть какую-то информацию о дедушке. И я-таки разговорила её до воспоминания, которое было замуровано под тяжёлую глыбу молчания. Было произнесено это кодовое слово «КИРОВ». И понеслось! ГУЛАГ, ВятЛаг, Киров, станция Раздельная... Перелопатила много, но это ерунда по сравнению с тем, какой достигнут результат!

Я узнала, что ВятЛаг – это целое рабовладельческое государство на севере Кировской области, где прошли мученический путь сотни тысяч людей, многие из которых впоследствии были признаны невиновными. 5 февраля 1938 года был издан приказ № 020 по Наркомату внутренних дел Союза ССР. Приказом предписывалось создать на северо-востоке Кировской области Управление Вятского исправительно-трудового лагеря (Вятского ИТЛ) НКВД СССР. Именно эта дата стала официальной и юридически обоснованной точкой отсчёта истории Учреждения К-231...

Алябьев Иван и я (Алябьева Лариса) в Севастополе

Своими истоками эта история восходит к 1931 году. Тогда (в рамках первого советского пятилетнего плана и с применением в качестве «рабочей силы» репрессированных из числа так называемого «кулацкого элемента») была закончена прокладка линии железной дороги на дистанции «Яр – Фосфоритная». Верхнекамье получило выход на Транссибирскую магистраль, то есть стабильное транспортное сообщение практически со всеми регионами страны. Затем принимается решение о продолжении строительства железной дороги далее на север (через станции Верхнекамская – Заводская – Лесная – Има). Проект получил наименование «Гайнско-Кайская железная дорога». Стратегическая цель – интенсивное освоение залежей полезных ископаемых (месторождения фосфоритов) и лесных ресурсов региона. На станции Фосфоритной и в её окрестностях разворачивается соответствующая административно-хозяйственная база, размещаются «рабочие контингенты». Состояли они в основном из

спецпоселенцев – «раскулаченных» и других «социально чуждых элементов», этапированных в кайские леса из различных районов Нижегородского края, который включал тогда в свой состав и значительную часть территории нынешней Кировской области.

По месту дислокации штаба нового подразделения (город Вятка, с 1934 г. – Киров-областной) оно и получило сокращённое (ставшее в последствии нарицательным и перешедшее «по эстафете» к новому ИТЛ) название – «ВятЛаг».

Узнала я и о том, почему так быстро там, в лагере, умер мой дедушка. Он стал частью огромного потока смертей. Это были страшные первые две военные зимы, когда снабжение лагеря практически прекратилось. О том, каким был ВятЛаг в разные годы своего существования, написано в книге В.А. Бердинских «История одного лагеря», уникальном исследовании, не имеющем аналогов среди работ по истории ГУЛАГа, написанных на документальном материале. А про военные годы его существования я прочла в публикации историка В.И. Веремьева.

К середине 1941 года структура Вятского Управления включала в себя 19 балансовых подразделений, расположенных по линии собственной железной дороги (протяжённость основной магистрали – более 60 километров), а также сельхозлагпункт «Зуевский» (село Мухино Зуевского района). В составе Вятского ИТЛ функционировали лесозавод, центральные механические мастерские, центральная пошивочная мастерская (фабрика), четыре сельхозподразделения, две базы снабжения, три строительных участка.

Количественный состав содержащего спецконтингента на 15 июля 1941 года – 19.596 человек, в том числе 1.706 женщин. Всего же в течение только первых военных лет

(вторая половина 1941 года – первая половина 1943 года) были приняты в Вятский ИТЛ свыше 40.000 заключённых и более 8.000 «трудмобилизованных» этнических немцев.

В военные годы резко ухудшились условия содержания в ИТЛ, что привело к беспрецедентному росту заболеваемости и смертности среди «спецконтингента». Из сообщения начальника Управления Вятлага НКВД СССР Н.С. Левинсона в Кировский обком ВКП(б) от 18 февраля 1942 года: «... В связи с отсутствием необходимых продуктов всё котловое довольствие лагеря ... производится только мукой и крупой, так как рыбы, жиров, овощей, мяса и картофеля лагерь не имеет. В результате, несмотря на принятые меры по улучшению бытовых условий содержания заключённых и сокращению группы «В» (больных)... смертность в лагере не сократилась. Динамика смертности: умерло в ноябре 1941 года – 389 человек, в декабре – 699 человек, в январе 1942 года – 1.111 человек...» (Энциклопедия Земли Вятской. Том 4. История. – Киров, 1995, с. 467–468).

Просьба руководства ВятЛага о срочной помощи продовольствием, обмундированием, фуражом осталась, по существу, без ответа: лагерь был поставлен в условия «самовыживания». И результаты не замедлили сказаться: за 1942 год в Вятлаге умерли более 7.000 заключённых и 780 мобилизованных немцев, за 1943 год – соответственно 4.500 и 570 человек. Основные причины смертности (свыше 80 процентов случаев) – алиментарная дистрофия, пеллагра, авитаминоз, туберкулёз и воспаление лёгких, проще говоря – голод и холод. (Источник: В. Веремьев. ВЯТЛАГ – Учреждение К–231: страницы истории).

Вот такая сухая, без эмоций, статистика... Как будто речь идёт не о людях, а о падеже скота...

Хочу отдельно рассказать о том, как в нашей жизни происходят великие чудеса по Промыслу Божьему. В своих поисках я зашла в тупик: куда бы ни обращалась, нигде никакой информации о дедушке. Курское ФСБ только сообщило, что у них на хранении есть дело моего Федота Фёдоровича. А вот подобраться к нему возможности нет, так как мне надо подтвердить родство. Для этого нужно свидетельство о рождении моего папы. После папиной смерти найти его я не смогла. Я отправила запросы о выдаче повторного свидетельства во все возможные архивы ЗАГСов, но ответ был один – «не зарегистрирован». В смятении и безысходности я вдруг вспомнила, что в Москве у Матронушки видела икону Божьей Матери «Взыскание погибших». И тут меня как осенило! Быстро в Интернете я нашла изображение этой иконы, распечатала на чёрно-белом принтере и прочитала перед ней молитву, тоже найденную на каком-то из сайтов. «У Бога свой Промысл!» – так однажды мне сказал батюшка, с которым нас связывают долгие годы общения. Через три дня мне пришёл ответ из Кировского УФСИН с подробной информацией о моём дедушке. Это был ответ на мой третий запрос.

Заместитель начальника федеральной службы исполнения наказаний Управления по Кировской области С.В. Филимонов прислал мне такую архивную справку:

АЛЯБЬЕВ Федот Фёдорович, 1896 г.р., уроженец д. Алябьево Ленинского района Курской области, русский, социальное положение – из крестьян, образование – 2 класса, беспартийный, имевший специальности сапожника, столяра, бондаря, служил старостой деревни Алябьево, осуждён Военным трибуналом войск НКВД Кировской области 10.09.1943 г. по ст. 58–16 УК РСФСР к 10 годам лишения свободы, с поражением в правах на 3 года (начало срока 23.02.1943 г., конец срока 23.02.1953 г.). Прибыл в Вятлаг НКВД 10.05.1943 г. Курским этапом. Находился в ОЛП №13. Умер 29.10.1943 г. Причина смерти

– пеллагра. Место захоронения – кладбище ОЛП №13 станция Раздельная Верхнекамского района Кировской области.

В личном деле значатся: жена – Алябьева Анастасия Сергеевна, 1904 г.р., дочь – Татьяна 1929 г.р., сын – Николай 1932 г.р., сын – Иван 1936 г.р., сын Василий 1940 г.р., сестра – Алябьева Марина Федоровна 1901 г.р.

Алексей и Татьяна Алябьевы

Основание: архивное личное дело № 68293 и учётная карточка специального учёта осуждённых на Алябьева Ф.Ф.

Меня трясло, как осиновый лист, когда я читала это. Я рыдала, перечитывая в сотый раз, вчитываясь в каждое слово. «Я нашла тебя, дед!» – кричала моя облитая слезами горя и радости душа.

Я рыдала, вчитываясь в каждое слово. «Я нашла тебя, дед!» – кричала моя душа

10 августа 2019 года. В поезде «Санкт-Петербург – Челябинск» Алябьев Сергей Васильевич и Алябьева Наталья Васильевна. Они едут на место захоронения деда. Нашего, одного на десять внуков, деда Федота. В Москве к ним в поезд подсаживаемся мы: я – Алябьева Лариса Ивановна – и мой муж Петров Валерий Гаврилович. Мы только что сошли с поезда Курск-Москва. Тот самый путь, которым в мае 1943 везли в вагонах-скотовозах заключённых в ВятЛаг. В одном из этих вагонов – наш дед наедине со своими горькими думами о семье... Что теперь с ними? Живы ли? Или тоже... по этапу? Эти мысли и свели его буквально через полгода в могилу. Это невозможно ни заесть, ни заспать.

Курск – Орёл – Тула – Москва – Владимир – Нижний Новгород – Киров – Лесной - Раздельная. Вот этот скорбный путь.

Киров встретил нас проливным дождём. Подождав пару часов своего зафрахтованного водителя микроавтобуса Александра, мы двинули в посёлок Лесной. Дорога до районного

центра Кирс была очень даже приличной. В Кирсе на ходу познакомились-обнялись с Алевтиной Николаевной Телёпиной, изумительной женщиной, которая помогла так помогла! Она нашла мастера Александра Владимировича Брезгина, который сделал огромный Поклонный крест всем узникам ОЛП-13 ВятЛага, захороненным в той земле православным христианам. Освятил крест батюшка храма Покрова Пресвятой Богородицы города Кирс Анатолий Баталов. Она переправила крест, баннер об узниках ВятЛага «Край безымянных могил» в гараж водителя ЗИЛа Олега Овчинникова в посёлок Лесной. Олег – это тот самый водитель, который повезёт нас с крестом на Раздельную по разрушенной железной дороге. От Лесной она стрелой устремлена на север, без единого поворота и изгиба. Дорога, которая пролегла в 1930-е годы на костях и трупах политзаключённых. А сколько мудрых и дельных советов нам дала эта милая простая женщина с огромным любящим сердцем! Именно Алевтина Николаевна, когда передавала нам приблизительные координаты места захоронений узников ОЛП-13, определённые картографом Андреем Борисовичем Ореховым, успокоила нас: «Истина откроется на месте!» Поистине, Господь на этом нашем пути посылал нам СВОИХ людей!

The table contains the following columns (from left to right):

- Column 1: Names (e.g., Иван Иванович, Алексей Васильевич, Николай Петрович, Павел Семенович, Стефан Иванович, Борис Федорович, Михаил Степанович, Владимир Александрович)
- Column 2: Birth dates (e.g., 21.01.1909, 1925, 1915, 1920, 1905, 1913, 1919)
- Column 3: Birth locations (e.g., Кирский окр., Кировская обл., Кировская обл., Кировская обл., Кировская обл., Кировская обл., Кировская обл.)
- Column 4: Other identifiers (e.g., ОКП. 33.6.41, ОКП. 03.6.1941, ОКП. 03.6.1941, ОКП. 03.6.1941, ОКП. 03.6.1941, ОКП. 03.6.1941, ОКП. 03.6.1941)
- Column 5: Dates (e.g., 1942, 1942, 1942, 1942, 1942, 1942, 1942)
- Column 6: Locations (e.g., Кировская обл., Кировская обл., Кировская обл., Кировская обл., Кировская обл., Кировская обл., Кировская обл.)
- Column 7: Locations (e.g., Кировская обл., Кировская обл., Кировская обл., Кировская обл., Кировская обл., Кировская обл., Кировская обл.)
- Column 8: Locations (e.g., Кировская обл., Кировская обл., Кировская обл., Кировская обл., Кировская обл., Кировская обл., Кировская обл.)
- Column 9: Locations (e.g., Кировская обл., Кировская обл., Кировская обл., Кировская обл., Кировская обл., Кировская обл., Кировская обл.)

At the bottom of the page, there is a circular stamp of the "Служба безопасности" (Security Service) and several handwritten signatures and notes, including "Иванов", "Петров", and "Сидоров".

№15 об Алябьеве Борисе Федоровиче

После Кирса то, что называется дорогой, превратилось в «то яму, то канаву». Нас мотало в уважаемом Фольксвагене Каравелла, как бочки в трюме в сильный шторм в каравелле уже морской. О, если бы мы знали, что эта тряска на следующий день нам покажется лёгким морским бризом!

Поистине, Господь на этом нашем пути посылал нам СВОИХ людей!

Мы приближались к посёлку Лесной под совершенно отвесными потоками дождя. «И так уже месяц», – сокрушённо заметил наш водитель Саша Копысов. Запах тайги щекотал нос. Ожидание чего-то непредсказуемого усиливалось слезами дождя.

Описание нашим водилой четырёхместного номера в единственной гостинице Лесного, который мы забронировали по телефону ещё из Курска, повергло нас в шок. Четыре панцирных кровати со свалянными матрасами, колченогий стол и, возможно, стул. Сортир на два очка на улице. Ни душа, ни кафе. Тоска! Да плюс к этому – всю дорогу слева-справа деревянные дома без краски, и поэтому какие-то чёрно-белёдые, болота и берёзы-сосны по колено в воде. Гиблое место!

Гостиница Лесного

И тут Господь сжалился над нами, как над какими-то людьми с важной миссией: водитель предложил остановиться на постой в его пустующей двухкомнатной квартире со всеми удобствами. Был даже дровяной титан. После тяжёлой полугорасуточной дороги мужчины наши истопили титан, и мы устроили прямо-таки мини-баню!

На завтра подъём был назначен на 5 часов утра. Вначале мужики наши поехали с Олегом Овчинниковым к нему в гараж, чтобы загрузить огромный деревянный Поклонный крест, метровое металлическое подкрестье, баннер, освящённое на службе в Санкт-Петербургском храме Анастасии Узорешительницы Святое Распятие. Баннер об узниках ВятЛага, при взгляде на который наждак проходит по позвоночнику, сделал тоже посланный нам свыше Дмитрий Михайлов из Санкт-Петербурга. Я смело могу заверить: этот человек является для меня наставником на пути отыскания памяти рода.

Начало пути на Раздельную

В 6 часов утра, под прощальные капельки дождя, похожие на слёзы радости, на огромном ЗИЛе–131 мы стали «в колею» гулаговской «железки», уложенной по штабелям трупов политзаключённых. Такой вот строительный материал... Надёжный, верный, всегда в наличии и в больших количествах. Мужчины наши на берёзовых чурочках в кузове грузовика. Олег-водитель, дай, Бог, здоровья, дал ребятам плащи, а мне и моему мужу – резиновые сапоги с заботливо уложенными в них его женой носочками. Мы – женщины – в кабине. Машина справная, ухоженная, видно, что Олег дорожит своей «кормилицей». На ней – за дровами на продажу. На ней возит на север по железке аж до Пермского края металлоискателей. Сутки туда едут, собирают металл по разрушенным лагерным пунктам и опустевшим домам бывших населённых пунктов, сутки назад. Хоть какой-то заработок. Работы в Лесном, кроме службы в охране лагерей, никакой. Показал Олег территорию спецлагеря для зеков-оборонщиков, которые на взятках погорели. Там, говорит, евроремонт везде. Только жалобу какой бывший генерал или полковник напишет про плохое содержание, тут же комиссии тучами. Надо же ублажать военнослужащих, которые свою Родину по кускам дербанили.

Поклонный крест узникам ОЛП-13

Собираясь с утра в дорогу, я положила в свой рюкзак фотоаппарат с видеокамерой. Мысли были снять на видео установку креста. Сели в машину. Думаю, дай сниму начало пути. А фотоаппарат мой, вспыхнув огоньком, тут же погас, написав «батарея разряжена». Я даже не расстроилась. Я поняла, не хочет Господь этого видео. Все фотографии, которые остались у нас из поездки на Раздельную, сделаны Серёжей на его телефон. Всё по Промыслу Божьему... Мы, внуки Алябьева Федота Фёдоровича, едем на станцию Раздельная. Едем по разрушенной бывшей железной дороге, оставляя между колёсами ЗИЛа один рельс. По разрушенным шпалам. Машина подрагивает на каждой из них, словно некий секундомер. Секундомер, отсчитывающий наше приближение к этому скорбному погосту вычеркнутых из истории страны, городов, деревень, семей людей. Людей, чьи имена закрашены чёрной краской в памяти нескольких поколений. Людей, чьи души всё

ждут, что кто-то из потомков о них вспомнит и станет искать место, где их брненное тело легло в землю-матушку...

Дождь, попрощавшись, скромно удалился, и небо как-то приподнялось. Ехали очень медленно, 2–3 километра в час. Не разгонишься – вытрясет душу по полуразрушенным шпалам. Вдруг прямо перед машиной начала скакать какая-то птичка. Пару раз казалось, что она вот-вот попадёт под колесо. Ан нет! Через какой-то промежуток она опять тут как тут. Перед заброшенной станцией Брусничная рельсы со шпалами кончились, но начались такие ямы с лужами, что ралли «Париж-Дакар» и не снилось. Казалось, вода вот-вот накроет капот машины. На привале специально померила высоту колеса нашего ЗИЛа. Мне по шею. Здесь же на Брусничной обалдела от рассыпавшихся коврами лисичек, впервые в жизни съела сорванные ягодки брусники и черники. Мой муж-сибиряк с удовольствием приносил мне горсти этих ягод и с умилением потчевал свою жену-куряночку таёжной ягодой.

На задоре и чувстве, что нам доверена ответственная миссия, мы легко справились с четырьмя с половиной часами этой так называемой «дороги». По пути проезжали тоже разрушенную станцию Има. Такого количества белых грибов, подосиновиков, подберёзовиков, маслят, выскакивающих под колёса, я никогда в жизни не видела. Они стояли дружным строем вдоль дороги, словно соревновались, кто краше!

– Вот и приехали! Это Раздельная! – объявил наш водитель.

Что-то трепыхнулось где-то в груди. В носу стало щекотно. Господи!..

Схватила свою папку, где всё-всё про деда, про ВятЛаг, про Раздельную. Там же – распечатанная на чёрно-белом принтере [икона Божьей Матери «Взыскание погибших»](#) и молитва к ней. Машина осталась на железнодорожной насыпи, а мы высыпались на уже едва угадываемую центральную улицу станции Раздельная. Разрушенные дома, бурьян и вода в траве под ногами. Сразу взяли курс к месту, которое местные краеведы, в прошлом

жители Раздельной – Виталий Засухин, Андрей Генинг и Валерий Шапша – обозначили для нас как место захоронений заключённых ОЛП–13. Долго шли, падали, набирали в сапоги воды, вставали, шли дальше. Я на ходу читала молитву, идя с открытой в папке страницей с ликом Пресвятой Богородицы. Раньше, в 1940-е, место это было опушкой леса. Теперь её затянуло деревьями и кустарником. Начали блуждать среди этой растительности. Под ногами – травы и мхи в воде. И грибы, грибы. Я и Серёжа стали просить деда: «Дед! Мы нашли тебя, мы приехали издалека. Мы так долго к тебе ехали! Покажись! Подскажи, где ты!»

Виталий Засухин предупредил нас заранее, чтобы ни крестов, ни могильных холмиков мы не искали. Их ещё в те поры, в 1950-60-х, уже не было. Подсказал деловито: «Ищите ямы прямоугольной формы». Ям мы не нашли... Но мы нашли лужи прямоугольной формы, расположенные строго с востока на запад. Ну да, месяц непрерывных дождей превратил ямы в лужи. Ура! Нашли! Походив вокруг ещё, решили крест ставить здесь. Вернулись к оставленной на насыпи машине, перегнали её на насыпь Гидаевской ветки железной дороги. Оттуда нести крест было ближе.

Мужики наши родненькие взвалили на себя крест и понесли. За ними двинулись мы с Наташей. У меня папка, Святое Распятие, освящённые таблички, свечи, заботливо заламинированный Алевтиной Телёпиной текст литии. У Наташи на шее GPS-навигатор. Мы немного отстали от ребят, выбирая места помельче, чтобы не набирать воды в сапоги. Что ни говори, а мытьё ног в +10 здоровью как-то не очень благоприятствует.

В это время Серёжа и Валера под тяжестью креста устали и решили остановиться, передохнуть. Приставили крест к рядом стоящей берёзке и стали осматриваться вокруг. Замечательная полянка с берёзовым и сосновым молоднячком. Вокруг много тех самых пресловутых луж прямоугольной формы, расположенных строго с востока на запад.

– Подождём девчат. Пусть они посмотрят на это местечко, – решили они.

Подошли мы, за нами – Олег с буром и другим необходимым инструментом. Осмотрелись. Да, замечательное прямо местечко! И, словно в сказке, на полянку эту с неба стрельнул лучик солнца.

– Ларочка, доставай координаты, что нам картограф дал, – сказала Наташа.

Дрожащими руками я достала лист с координатами. Наташа настраивала навигатор. Когда эхом зазвучали наши с Наташей голоса, у всех волосы на голове зашевелились.

– 60 градусов.

– 60 градусов.

– 02 минуты.

– 02 минуты.

– 35,5 секунд северной широты.

– 70,3 секунд северной широты.

– 52 градуса.

– 52 градуса.

- 02 минуты.
- 02 минуты.
- 20,3 секунд восточной долготы.
- 88,6 секунд восточной долготы.

«Истина откроется на месте», – вспомнила я слова Алевтины Телёпиной. Она с людьми равнодушными уже не один Поклонный крест по лагерным пунктам ВятЛага поставила. Всё так и было! Истина открылась на месте!

Всё так и было! Истина открылась на месте!

Мужики наши принесли тяжеленное металлическое подкрестье, и закипела работа. По очереди начали бурить яму в жиже из мхов, трав, земли, песка. В конце концов Олег сказал: «Хорош! А то мы сейчас кости начнём доставать. Я во что-то буром упёрся».

Это потом, по приезду в Лесной, в телефонном разговоре с Алевтиной Николаевной, я узнала, как тогда хоронили заключённых. С осени и по май месяц трупы всех умерших зеков складывали в сарай на территории зоны. Остаётся только догадываться, какой «продуктовой базой» был этот сарай для крыс. В мае, когда оттаивала земля, ещё живые или едва живые заключённые выкапывали ямы не больше метра глубиной (далее – вода). Благодарю Господа, что зеков хоронили зеки! Они соблюдали христианские традиции даже на этой грани жизни и смерти – рыли ямы строго с востока на запад. На дно укладывали по два, три трупа. Сверху закрывали плотным слоем досок (благо, этого добра на лесоповале много), чтобы дикие звери не разрывали захоронения и не съедали трупы.

В эти-то доски мы и упёрлись буром. Попав в своё время в землю с водой без доступа воздуха, они стали просто вечным материалом, прочным и неразрушающимся.

Валера пошёл на насыпь с ведром, чтобы набрать щебня для укрепления подкрестья, которое Олег с Серёжей уже устанавливали. Ох, и повезло же нам с нашим водителем Олегом! Спокойный, неразговорчивый, добрый таёжный мужик с большими пшеничными усами. Он с первых минут напомнил мне старшину Федота Васкова, которого сыграл актёр Андрей Мартынов в фильме «А зори здесь тихие...». Он с таким вдохновением и упорством помогал нам в этом трудном, но почётном деле, как будто там лежал и его родственник!

Подкрестье готово. Надо поднимать тяжеленный трёхметровый крест и на полуметровой высоте от земли вставлять его в конструкцию из металлического уголка. Впятером мы корячились долго. В последний момент, когда казалось, что сейчас мы уроним крест, каким-то усилием воли Наташа дотянулась до молотка и подала его Валере. Он, одной рукой держа крест, другой стукнул молотком по зацепившемуся нижнему углу креста. «Дух!» – ахнул крест и стал в подкрестье. Потом мы вспоминали этот момент, и на память пришла сказка «Репка». Господь собрал нас там ровно в таком количестве, чтобы мы смогли поставить крест. Не окажись кого-то из нас в этом месте в этот час, миссия была бы невыполнима. Как с той мышкой...

Ещё до установки Поклонного креста мы прикрутили к нему Святое Распятие. Под ним – первую табличку:

**«ПОМЯНИ, ГОСПОДИ, ВСЕХ
В ВЯТЛАГЕ ПОГРЕБЕННЫХ
В ВЕРЕ СКОНЧАВШИХСЯ ПРАВОСЛАВНЫХ ХРИСТИАН»**

В курском храме Серафима Саровского во время панихиды и освящения этой таблички голос батюшки «...всех узников Вятлагеря...» заставлял вздрагивать всех прихожан.

Под ней – именную табличку нашего деда:

**«АЛЯБЬЕВ
ФЕДОТ
ФЁДОРОВИЧ**

1896 г/р

Арестован в дер. Алябьево

Курской области 23.02.1943 г.

Приговорён по ст. 58–1б к 10 годам.

Умер в ОЛП–13 29.10.1943 г. от пеллагры».

Обе таблички, как и курская земля с могил жены Федота Анастасии и сыновей Василия и Ивана, были освящены на панихиде в храме Преподобного Серафима Саровского города Курска. На перекладину креста установили свечи, зажгли их и начали читать литию. В момент произнесения молитвы «Трисвятое» Наталья посыпала крестом курскую землю на землю вятскую. Лежите спокойно теперь, бедолаги, виновные и невиноватые! Мы отпели вас и предали земле, как положено быть погребенным православным христианам. Земля пухом!

В конце нашей литии свечи, как по приказу, как будто на них кто-то разом дунул, погасли сами

Обычно, когда отпевают покойника, в конце службы священник говорит, чтобы все погасили свечи. В конце нашей литии свечи, как по приказу, как будто на них кто-то разом дунул, погасли сами.

Души наши ликовали! Не было никакой тяжести, боли. Были слёзы радости и восторга чудесам Божьим!

Текст литии прикрепили к кресту. Очень надеемся, что по проложенной нами дороге к могилам узников ОЛП–13 ВятЛага придут другие к своим «вычеркнутым» из истории страны и семьи. Они и почитают литию, помяная усопших в муках родных.

Баннер установили на повороте на Гидаевскую ветку

После установки креста взялись за баннер. Его решили растянуть на деревьях прямо у съезда на Гидаевскую ветку. Подогнали наш ЗИЛ (к нему все мы прониклись бесконечной любовью и уважением!) и с кузова смонтировали баннер:

Поминальный обед

«СКОРБЬ И ПАМЯТЬ РОССИИ МЕСТО СТРАДАНИЙ КРАЙ БЕЗЫМЯННЫХ МОГИЛ»

Прямо на бампере машины (благо есть где разгуляться, у ЗИЛа-то!) устроили поминальный обед. Хлеб, сало, варёные яйца, помидоры, огурцы, горячий чай. Бросили прощальный взгляд на Раздельную и тронулись в обратный путь.

– Я привезу сюда своего сына, – сказал Серёжа.

Я поймала себя на мысли, что и мне хочется сюда вернуться. Весело вернуться, со стоянкой в несколько дней, со сбором ягод, грибов. С мужем даже варианты такой поездки разработали.

На обратном пути я и Наташа на Име попросили Олега нас высадить для сбора грибов. Машина ехала впереди, а мы шли за ней и по обочине без разгибу собирали грибы. Набрали два ведра!

Опять периодически по шпалам перед машиной скакала птичка. У самого съезда с железки, в районе Лесного, последний раз проскакала, вспорхнула и улетела в посадку справа от дороги. Проводила! Убедилась – благополучно доехали.

Я пробовала сформулировать своё физическое состояние в конце этого пути. Вот что сформулировалось: «Из меня вытрясли душу». Вот тут-то я и вспомнила вчерашнюю роскошную поездку от Кирса до Лесного в микроавтобусе. Право слово – всё познаётся в сравнении! 9 часов душетряски – это серьёзное испытание. Могу смело заявить – мы достойно его прошли! Все пятеро!

Озеро на ОЛП-6

Вернувшись в Лесной, мы зашли в магазин купить продукты на ужин и банки с соком с закручивающимися крышками, чтобы в них замариновать собранные грибы. Молодая женщина-продавец сразу обратила на нас внимание: не местные, да ещё я в чёрном платке. Спросила у нас, кто да откуда? Мы не могли сдерживать эмоции от поездки и начали наперебой живописать наше путешествие. Она слушала, ахала и плакала. А потом рассказала нам, что в те края ездила несколько раз на «пионерке» (так местные называют дрезину без движка, которую на трос цепляет впереди едущий по обочине мотоцикл и тянет её по рельсам). В районе 6 лагпункта, с двух сторон от железки, в те далёкие страшные поры брали из карьеров песок – отсыпать подушку под железнодорожное полотно. Делали это политзаключённые. Здесь же они замертво падали от голода и холода. Их сталкивали с

откоса. Хоронить? О чём вы?! Теперь эти карьеры залиты водой и образуют два озера

весьма зловещего вида. Так вот, продавец Наташа сказала нам, что на этих озёрах ей два раза было одно и то же видение: посреди озера деревянная лодка, а в лодке сидит мужчина в полосатой зековской робе.

Наш урожай на память

– Больше таких видений, думаем, не будет, – сказали мы. – Мы сегодня ИХ ВСЕХ отпели и предали земле, и крест ИМ ВСЕМ поставили.

Грибы, собранные под Имой, мы замариновали и привезли в Курск. На двух баночках я разместила этикетки; «Грибы от деда Федота». Договорились с двоюродными – собраться на Новый год у нас дома, в деревне Хворостово Золотухинского района Курской области, и съесть эти грибочки.

Ночи через две после приезда домой я увидела во сне тот баннер, который мы повесили в Раздельной. В верхнем правом углу его была говорящая фотография молодого кареглазого мужчины. Он мне сказал:

– Это я помогал вам крест ставить!

– А почему же мы вас не видели? – спросила я.

– На фотографии мне 28 лет, а до 29 я не дожил. Вот поэтому вы меня и не видели.

Кто был этот мужчина – не знаю. Может быть, душа этого узника в момент установки креста была там? Может быть, это он когда-то хоронил деда Федота? Не знаю... Но сон был чётким и врубающимся в память дословно.

Землю, которую мы набрали на месте установки креста, в день рождения моего папы АЛЯБЬЕВА ИВАНА ФЕДОТОВИЧА – 18 августа, мы бережно поделили между тремя могилами.

МЫ НАШЛИ ТЕБЯ, ДЕД!

Себе придумали все десять внуков и иже с ними, что вот теперь там, на небесах, ВСЕ ОНИ встретились. Аминь! Аллилуйя!!!

Как представители всех потомков многих сотен погребенных на станции Раздельная, в безвестных могилах на лесном кладбище, мы поставили Поклонный крест — хотя бы один на всех. Ведь ниточки памяти, обрубленные силой безбожной жестокости, ведут от этой лесной глухомани во все концы бывшего СССР. Только не знают потомки узников, где искать их могилы, и потому наш крест пока будет с одной именной табличкой — нашего деда. Но, может быть, еще кто-то подвигнется на поиск, и тогда проделанный нами труд послужит облегчением чьих-то попыток почтить память своего предка. Приедут, помолятся, и появятся на нашем общем кресте еще и еще таблички с именами.

Земля с Раздельной на могилу моего папы

С первых дней моих поисков то тут, то там, на первый взгляд совершенно случайно (но я-то знаю, что это не так!) возникают на моём пути люди, готовые помочь и посочувствовать мне. Я уже не говорю о том, сколько душ с небес следят за моими мытарствами и поддерживают меня!

Промыслом Божиим я обратила внимание на видеосюжет о поисках и находках в Вятлаге Кировского поисково-спасательного отряда «Пересвет» и написала письмо его командиру Наталии Геннадьевне Бабинцевой (дай, Господи, исцеления болящей рабе Божьей Наталии!). Она попросила помочь нам человека, уже имевшего свой опыт поиска и тоже ставившего крест на месте захоронения заключённых в другом лагунке того же Вятлага. Так появился в нашем семейном деле памяти Дмитрий Михайлов из Санкт-Петербурга, о котором всегда думаю с огромной душевной теплотой.

Осуждать кого-то из узников, там лежащих, сейчас, думаю, глупо и бессмысленно. Каждый из них уже ответил за всё своё перед Богом. Он – им судья, а не мы. Мы должны знать свою историю, свои семейные радости и трагедии, беречь свою память рода и любить друг друга бесконечно. Мы должны молитвенно помнить свой род до того колена, до которого Господь поможет узнать. И нести этот ответственный и бесценный груз истории рода, и передавать с благоговением своим детям, внукам, правнукам... И так – до скончания века... Вместе со своей страной мы попробуем правильно расставить знаки препинания в призыве: **ПОМНИТЬ! НЕЛЬЗЯ ЗАБЫТЬ!**

У этой истории есть начало, но нет конца. Мне кажется, что мы открыли ящик Пандоры. Всё новые и новые сведения с разных концов расширяют и дополняют этот мой рассказ.

На моё заявление в архив ФСБ по Курской области, где находится на хранении уголовное дело нашего дедушки, я получила такой ответ:

«Уважаемая Лариса Ивановна!

На Ваше обращение, поступившее на официальный Интернет-сайт УМВД России по Курской области, сообщаю, что в отношении Алябьева Федота Фёдоровича Информационным центром УМВД России по Курской области была проведена проверка, в ходе которой установлено, что в Управлении федеральной службы безопасности РФ по Курской области имеется на хранении уголовное дело в отношении Алябьева Федота Фёдоровича, 1896 года рождения, уроженца д. Алябьево Ленинского (ныне Октябрьского) района Курской области. Для получения интересующей информации Вы можете обратиться в УФСБ РФ по Курской области.

Архив УМВД по Курской области сведениями о месте захоронения Вашего деда, Алябьева Федота Фёдоровича, к сожалению, не располагает.

(Начальник С.Н. Милкин)».

Я обратилась в архив УФСБ, и мне сообщили, что для допуска к делу деда мне нужно подтвердить родство с ним. После многих моих мытарств по восстановлению свидетельства о рождении моего отца, когда я безрезультатно перелопатила все архивы ЗАГС Курской области и города Курска, я всё-таки нашла аргументы в подтверждение родства с Алябьевым Федотом Фёдоровичем. От счастья я летела на крыльях в архив УФСБ по Курской области с заявлением на допуск меня к делу деда. В заявлении написала, что 10 августа 2019 года еду к месту захоронения, и хотелось бы до поездки почитать дело. Ждала ответ почти месяц. Буквально накануне отъезда получила ОТКАЗ.

«Уважаемая Лариса Ивановна!

В архиве УФСБ России по Курской области находится на хранении архивное уголовное дело в отношении Алябьева Федота Фёдоровича, 15 марта 1896 года рождения, уроженца деревни Алябьево Ленинского района Курской области.

Сообщаем, что в соответствии с Приказом Минкультуры РФ, МВД РФ и ФСБ РФ от 25 июля 2006 г. № 375/584/352 “Об утверждении Положения о порядке доступа к материалам, хранящимся в государственных архивах и архивах государственных органов Российской Федерации, прекращённых уголовных и административных дел в отношении лиц, подвергшихся политическим репрессиям, а также фильтрационно-проверочных дел” знакомиться с материалами архивного уголовного дела имеют право родственники реабилитированных граждан.

На основании заключения Главной военной прокуратуры от 2 июня 2003 года Алябьев Ф.Ф. реабилитации не подлежит.

Согласно Закону РФ от 18 октября 1991 г. № 1761-1 “О реабилитации жертв политических репрессий”, вопросы признания граждан пострадавшими от политических репрессий входят в компетенцию органов прокуратуры».

(Врио начальника подразделения Т.И. Зачиняева)».

Небольшая горстка Алябьевых

Мы все – двоюродные – решили сначала, что главная наша цель в поисках деда достигнута. Найден. Отпет. Предан земле. Имя на кресте. Крест на месте. Всё!

Ан нет! Не всё! Перед Богом Федот ответил ещё тогда, осенью 1943-го. Перед страной искупил свою вину смертью. Перед нами, внуками, оправдан безоговорочно. Перед людьми?..

Напишу я заявление в военную прокуратуру с просьбой о реабилитации честного имени нашего деда. А что уж они там решат, на то воля Божья. Пусть уже они когда-то перед Богом отвечают за своё решение о возвращении или невозвращении в строй ЛЮДЕЙ, а не безымянных врагов народа, простого русского мужика – АЛЯБЬЕВА ФЕДОТА ФЁДОРОВИЧА...

*Лариса Ржевская
(в девичестве – Алябьева)
16 декабря 2019 г.*